

НОВОЕ О ТРАГЕДИИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА «АРГИВЯНЕ»

Сообщение Э. Э. Найдича

Трагедия «Аргивяне» занимает значительное место в литературном наследии Кюхельбекера. Это произведение, написанное в годы, предшествовавшие декабрьскому восстанию, чрезвычайно существенно для выяснения идейных и литературно-эстетических взглядов поэта-декабриста.

Кюхельбекер стремился поставить в своей трагедии наиболее существенные вопросы современности, создать высокие образы гражданской доблести. За сюжетом, взятым из греческой истории, легко угадывалось подлинное содержание трагедии: Отечественная война 1812 года и роль русского народа в победе над врагом, протест против крепостного рабства, резкое осуждение самодержавия — тирании Александра I, вопросы революционной тактики декабризма.

Трагедия Кюхельбекера, за исключением нескольких отрывков, не была напечатана при жизни автора. Впервые «Аргивяне» были опубликованы лишь в 1939 г., во второй окончательной редакции 1824—1825 гг.¹ Эта публикация содержит пролог, первые два акта и небольшие отрывки из третьего действия. Полный текст «Аргивян» в окончательной редакции не сохранился. Однако до нас дошла рукопись первой редакции 1822 года: пять действий, одно большое междудействие и замечания автора².

Первая редакция «Аргивян», за исключением междудействия³, до сих пор остается неопубликованной и почти не использованной для изучения творчества Кюхельбекера⁴.

В первом разделе настоящей статьи сообщаются некоторые новые данные, существенные для истории работы Кюхельбекера над «Аргивянами» и для истории опубликования трагедии.

Во втором разделе, на основе анализа текста двух редакций, рассматривается идейное содержание «Аргивян» и приводятся отрывки из первой неопубликованной редакции*.

I

Замысел трагедии сложился у Кюхельбекера в конце 1821 г. 6 февраля 1822 г. был закончен первый акт, в течение 1822 г. Кюхельбекер интенсивно работал над «Аргивянами» и в конце года завершил первую редакцию.

Из неопубликованного письма Кюхельбекера к сестре Ю. К. Кюхельбекер от 20 января 1823 г.⁵ можно почерпнуть новые сведения о трагедии. Так как это письмо почти целиком посвящено «Аргивянам», мы приводим его полностью:

«Милая Уленька.

Я начал мое письмо навыворот, но так и быть, ты как-нибудь его прочтешь! *Pletneff désire que ma tragédie soit reçue au théâtre; moi aussi;*

* Текст первой редакции «Аргивян», цитируемый в отрывках, подготовлен к печати Е. П. Федосеевой.

demandez-lui, s'il connaît des moyens pour le faire? Je ne le crois pas *. Впрочем, в таком случае мне самому непременно должно побывать в С.-Петербурге: 1. Я ее даром не отдам; 2. Я должен найти для хороших композитера. Со следующей почтой я тебе ее перешлю: отдай ее Плетневу, пусть он прочтет ее Жуковскому, отпечатает несколько отрывков в журналах, отдаст ее потом для прочтения Эртелю ⁶, причем, однако ж, сделает милость, будет несколько дядькою одного Эртеля, да сей немец не погубит исчадие мое.

Потом уже попрошу тебя, милый друг, поговорить с Жуковским о продаже: спроси, берется ли он представить ее в дирекцию? Может ли найти композитера? Надеется ли доставить мне 2000 или 3000 рублей? Менее двух тысяч я не возьму. — Если тебе не в труд, то сделай еще следующее: поезжай вместе с матушкой к князю Трубецкому ⁷ и попроси его, чтоб он наведася от Шаховского или Катенина, лучше, однако ж, от первого, как учинить все нужное, чтоб заставить театральную дирекцию распедриться. Быть может, он, т. е. Трубецкой или Шаховской, возьмется за то, тогда вели переписать для них экземпляр. Кроме того, ты из письма к матушке увидишь, что я прошу вас переслать список к Грибоедову.

Целую ручки Анне Ивановне ⁸ и прошу бога о ее скором выздоровлении. Наталии и Эмилии Федоровне ⁹ свидетельствую искреннейшее мое почтение. Сестра к тебе не пишет, потому что готовит письмо к матушке, но просит тебя быть и впредь такою умницею и исправницею и не забывать нас. Любящий тебя брат

В. К ю х е л ь б е к е р

Поклон Комовскому ¹⁰ и Дельвигу.

На обороте публикуемого письма Кюхельбекер привел текст стихотворения: «А. С. Грибоедову, при отсылке к нему в Тифлис моих „Арги-вян“». Это стихотворение он, очевидно, просил переслать Грибоедову вместе со списком трагедии. Тексту стихотворения предпослана следующая надпись: «Pièce de vers pour la faire imprimer dans le „Сын отечества“» **.

Просьба Кюхельбекера была вскоре исполнена. Стихотворение появилось на страницах «Сына отечества» 1823 г. ¹¹ Таким образом, название новой трагедии Кюхельбекера, имена ее главных героев стали известны читателям еще до опубликования отрывков.

Друзьям поэта сразу же сделалось ясно, что трагедию в таком виде не только нельзя поставить на сцене, но нельзя и печатать ¹². Е. А. Энгельгардт, бывший директор Царскосельского лицея, поддерживавший дружеские отношения с Кюхельбекером, писал ему 12 июня 1823 г.: «... „Арги-вян“ ныне тебе печатать нельзя <...> в „Арги-вьянах“ есть множество мест, мыслей, выражений, из коих могут извлечь яд, чтобы тебя отравить, погубить. Я передал все Гнедичу и Жуковскому; они, кажется, к тебе хорошо и искренно расположены; они вместе внимательно прочитают твоё сочинение и произнесут приговор решительный» ¹³.

Авторизованный список первой редакции «Арги-вян» был передан Жуковскому, но отзыва Жуковского не последовало. Почти через год А. А. Дельвиг писал Кюхельбекеру: «Ему <Жуковскому> очень совестно, что он не отвечал тебе, и оправдывается только тем, что у него очень мало свободного времени...» ¹⁴

Жуковскому был, конечно, глубоко чужд гражданский пафос трагедии Кюхельбекера; рукопись первой редакции «Арги-вян» так и оста-

* Плетнев желает, чтобы моя трагедия была поставлена на театре; я также; спр-сите его, не знает ли он, как этого добиться? Я в это не верю (франц.).

** Стихотворение для напечатания в «Сыне отечества» (франц.).

лась лежать среди его бумаг. Вместе с архивом Жуковского она была передана в 1884 г. в Публичную библиотеку, где хранится и поныне.

В 1951 г. в сборнике «Декабристы и их время» появилась публикация Б. В. Томашевского «Забытый отрывок из „Аргивян“ В. Кюхельбекера». В комментарии к отрывку указано: «Мимо внимания исследователей прошло то, что в „Сыне отечества“ 1838 г. (т. IV, июль, стр. 7—15) был напечатан без подписи отрывок трагедии, не находящийся в автографе»¹⁵. Этот отрывок — «Междудействие из III акта трагедии Аргивяне» — полностью перепечатан в указанном сборнике.

На основе анализа отдельных стихов из «Междудействия» автор комментария делает вывод, что некоторые сцены, несомненно, были написаны «уже после ссылки декабристов» и содержат «самооценку подвига декабристов». В комментарии утверждается, что Кюхельбекер продолжал работу над «Аргивянами» в ссылке.

Между тем опубликованный в «Сыне отечества» отрывок полностью совпадает с текстом рукописи, принадлежавшей Жуковскому, то есть является отрывком из первой редакции «Аргивян» 1822 г. Таким образом, утверждение, будто некоторые сцены «Междудействия» были написаны после 14 декабря, оказалось неверным.

До сих пор оставался не освещенным интересный эпизод из истории отношений Кюхельбекера и Жуковского — эпизод, связанный с опубликованием отрывка в «Сыне отечества». 24 мая 1838 г. Кюхельбекер, находясь в далекой сибирской ссылке, писал Жуковскому: «Нужда, милостивый государь, заставляет меня повторить просьбу, с которою я обращался уже к кое-кому без успеха; исходатайствуйте мне позволение вырабатывать хлеб насущный литературными безымянными трудами (...) Теперь речь не о славе, о которой хлопотал я, когда переслал Вам — помните ли? из Смоленской губ(ернии) своих *Аргивян*; а, повторяю, о хлебе насущном, и не для меня, а для безвинного моего семейства»¹⁶.

Жуковский попытался исполнить эту просьбу. Вскоре на страницах июльской книжки «Сына отечества» 1838 г. появился отрывок из «Аргивян», полностью совпадающий, как сказано, с текстом рукописи, принадлежавшей Жуковскому. Несмотря на запрещение печатать литературные труды Кюхельбекера (даже безымянно), Жуковский, очевидно, передал в редакцию журнала этот отрывок. Редактором «Сына отечества» фактически был в это время Н. А. Полевой; ему, несомненно, было известно, что это стихи Кюхельбекера. В общем указателе к журналу за 1838—1839 гг. имя автора почти раскрыто (*И—ра*. Междудействие траг. *Аргивяне*).

Как известно, хлопоты Жуковского о разрешении печатать без имени произведения Кюхельбекера не увенчались успехом. В начале 1840 г. последовал окончательный отказ Николая I¹⁷.

Возвращаясь к ходу работы Кюхельбекера над «Аргивянами», следует сделать несколько замечаний о второй редакции трагедии.

Во II части «Мнемозины» (ценз. разр. 14 апреля 1824 г.) появился «Пролог трагедии с хорами: Аргивяне». Пролог представляет собою переработку первого акта первой редакции. Пролога в подлиннике не сохранилось. Весною 1825 г. Кюхельбекер подготовил к печати первое и второе действия «Аргивян» во второй редакции (соответствующие второму и третьему действиям в первой редакции). Сохранилась рукопись, озаглавленная Кюхельбекером «Отрывок трагедии» и содержащая эти два действия¹⁸. Однако и в этой редакции второе действие не удовлетворило поэта. В апреле — мае 1825 г. Кюхельбекер сообщил В. Ф. Одоевскому, что 2-й акт «Аргивян» написан, но требует «больших поправок»¹⁹.

Текст второго действия трагедии испещрен исправлениями Кюхельбекера. Оба действия впервые напечатаны по указанной рукописи в издании 1939 г., с учетом авторской правки. Кюхельбекер из этой рукописи

опубликовал лишь два хора в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» 1825 г. (ч. VI и VII).

5 апреля 1825 г. Кюхельбекер сообщил В. Ф. Одоевскому: «Четвертый акт моей трагедии готов: берег! берег!»²⁰.

Текст двух последних действий «Аргиян» в окончательной редакции до нас не дошел. Сохранились лишь черновые автографы трех небольших отрывков из третьего действия, завершающих публикацию окончательной редакции «Аргиян» в издании 1939 г. Вот почему для тщательного анализа трагедии необходимо использовать неопубликованную первую редакцию, включающую в себя все пять действий.

II

Сюжет «Аргиян» — борьба двух братьев, тирана Тимофана и республиканца Тимолеона, — заимствован из греческой истории (Плутарх, Корнелий Непот). Трагедия заканчивается убийством тирана и торжеством республиканцев.

В прологе к трагедии ставится один из тех вопросов, вокруг которых велась ожесточенная борьба между прогрессивными и реакционными кругами русского общества: кому обязана Россия победой в Отечественной войне 1812 года?

Тимолеон

Кто первый был в спасителях Коринфа?
В Афинах Мильтиад просил венка,
Врагов пресилив в битве Марафонской,
И был ему ответ: «Пусть Мильтиад
Рать персов в бегство обратит один,
И будет вознесен один пред всеми!»²¹

Взгляд Кюхельбекера на роль русского народа в войне 1812 года был близок к взгляду Грибоедова, задумавшего написать трагедию, посвященную Отечественной войне. Кюхельбекер работал над первым действием (соответствующим прологу второй редакции) в Тифлисе в творческом общении с Грибоедовым.

Сформулированные Грибоедовым в набросках к драме «1812 год» мысли о положении русских воинов после войны 1812 года: «М. возвращается под палку господина... отчаяние... самоубийство»²² — находят соответствие в «Аргиянах». В ответ на лицемерные фразы тирана:

Сограждане! почто сей шум и вопли?
Вкусите сладкий отдых после ббев

один из воинов — Аристон — заявляет:

Мы на тебя восстали, обольститель!
Ты вольность нам сулил, а рабство дал!

(Кюхельбекер, т. II, стр. 34—35).

Не желая покориться игу тирана, Аристон кончает жизнь самоубийством.

В стихотворении «А. С. Грибоедову, при отсылке к нему в Тифлис моих „Аргиян“» Кюхельбекер говорил о Грибоедове как о своем учителе. Как и Грибоедов, Кюхельбекер боролся за идейность и самобытность русской поэзии, выдвигая на первый план жанр оды и «высокой» трагедии.

Наброски драмы Грибоедова «1812 год» и представляют собою попытку создать «высокую» трагедию. Стилистическими особенностями «Аргияне» напоминают некоторые сцены грибоедовской пьесы. Так,

например, междудействие в III действии «Аргивян» разработано теми же приемами, что и междудействие, происходящее в Архангельском соборе в пьесе «1812 год».

Основной мотив обоих междудействий — пророчество. У Грибоедова «тени давно усопших исполинов — Святослава, Владимира Мономаха, Иоанна, Петра и проч., из разных стихий сложенные и с познанием всего, от начала века до днесь [...] пророчествуют о године искупления для России, если не для современников, то сии, повествуя сынам, возбудят в них

РИСУНКИ КЮХЕЛЬБЕКЕРА В ЧЕРНОВОЙ РУКОПИСИ
СТИХОТВОРЕНИЯ «ВОЗРАСТ СЧАСТЬЯ»

Тетрадь стихотворений 1818—1825 гг.

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

огнь неугасимый, рвение к славе и свободе отечества. Хор бесплотных провожает их и живописным строем представляет их отшествие из храма...»²³ У Кюхельбекера подобное же пророчество произносят Афродита и богини времени — Оры.

Внутренняя связь между «Аргивянами» и набросками трагедии Грибоедова «1812 год» несомненна. Однако перечисленными мотивами она и ограничивается. Драма Грибоедова была задумана в целом как произведение реалистическое, отражающее русскую действительность непосредственно и конкретно; «Аргивяне» же трагедия романтическая, построенная в двух планах: историческом и современном.

В трагедии Кюхельбекера резко противопоставлены два лагеря: тиран Тимофан, поддерживающий его Демарх и иноземные наемники —

с одной стороны, и лагерь республиканцев, борцов за свободу, представленный Тимолеоном, Протогеном, Поликратом, Аристоном, Ксантипом — с другой.

Изображение борьбы двух лагерей, прогрессивного и реакционного, типично для декабристской драматургии. Именно Кюхельбекер правильно оценил с этой точки зрения драматургические особенности «Горя от ума»: «В „Горе от ума“, точно, вся завязка состоит из противоположности Чацкого прочим лицам <...> Дан Чацкий, даны прочие характеры, они сведены вместе и показано, какова непременно должна быть встреча этих антиподов, — и только». «Кюхельбекер справедливо полагает, таким образом, что движение в пьесе дается антагонизмом двух лагерей, — пишет в своем исследовании М. В. Нечкина. — Мы вправе предположить, что это мнение — не случайное умозаключение далекого читателя, а результат многократного обсуждения пьесы и ее замысла с другом — Грибоедовым»²⁴.

Изображая в своей трагедии столкновение двух лагерей, Кюхельбекер проявил большую политическую смелость. В лице тирана Тимофана в сущности был изображен Александр I, а в лице Тимолеона и его сторонников — декабристы.

При жизни Александра I, который взошел на престол благодаря отцеубийству, тема братоубийства по аналогии была одиозной. Некоторые строки «Аргивян», если бы они были опубликованы, прозвучали бы в свое время как грозное обличение Александра I:

Тебя в Коринфе ждет судьбина злая:
Для подданных не можешь быть отцом,
Они убийцу вспомнят под венцом!
Купив владычество ценой кровавой,
Ужели льстишься мирною державой?
Ужель еще дерзнешь на трон воссесть?
Тиранов никогда не минет месть!²⁵

Это было одно из тех мест трагедии, из которых, как предупреждал Е. А. Энгельгардт, могли извлечь яд, чтобы погубить поэта.

Если судить по первой редакции «Аргивян», в лице сторонников Тимолеона изображены, как сказано выше, декабристы. Сторонников Тимолеона в первой редакции трагедии Кюхельбекер называет заговорщиками.

Явление 2-е (III действие)
(входят заговорщики)

Мы вняли твоему, Тимолеон,
Усильному и тайному призыванию.
Мы здесь, ты знаешь нас; до одного
Мы все друзья отчизны и свободы!
Открой, чего днесь требуешь от нас?
Что предпринять должны мы для Коринфа?

(лл. 26 об.—27).

На это тайное собрание заговорщиков, происходящее в храме Афродиты, проникает Сатирос — предатель. Он обращается к руководителю заговора Тимолеону: «Дозволь, да буду ваших дел участник». Тимолеон отвечает:

... но мы равны — я младший их товарищ:

(указывая на заговорщиков)

Не мне решить — им только подобает —
Возможешь ли быть принят в наш союз?

(л. 29—29 об.).

Очевидно, в этих строках отражены некоторые черты деятельности ранних декабристских обществ. Известно, что члены декабристских организаций называли себя «заговорщиками», в обществах последовательно проводился принцип равенства участников и т. д. Заговорщики, так же как и декабристы, именуют себя «друзьями отчизны и свободы». «Здесь говорить об общем благе станем», — заявляет Тимолеон, обращаясь к заговорщикам, собравшимся в храме. Кюхельбекер подчеркивает, что личные интересы и страсти должны быть подчинены служению родине, идее общего блага:

Другой заговорщик

На голос твой в сей храм мы притекли,
Тимолеон! и казням жизнь подвергли!
Не ты ль исторг нас из-под крова лар,
Из нежных и боязненных объятий
Сынов и внуков, дочерей, жен и братий?
Мы им Коринфа вольность предпочли
И мы тебя, не медля, покидаем,
Когда нам отрекаешься принесть
На жертву личную вражду и месть.

(л. 30 — 30 об.).

Тимолеон отвечает:

Себя вручаю благостной судьбе!
Да мимо идет ваша укоризна!
Могу ли днесь и думать о себе,
Когда зовут нас вольность и отчизна.

(л. 30 об.).

Положительные герои «Аргивян» — Тимолеон, Аглая — действуют во имя общего блага, подавляя личные интересы и страсти. Тимолеон руководит заговором, направленным против его любимого брата Тимофана; Аглая, жена Тимофана, выступает как противник тирании.

Героями противоположного лагеря движет своекорыстие:

..... Самый воздух,
Которым дышат во дворце тирана,
Тлетворный, отравляет добродетель!

(л. 23 об.).

Один из наемников говорит:

..... Где вино, веселье, деньги,
Мои пенаты там, и там отчизна:
Все знамена равны для Диомеда!

(л. 35 об.).

В кругу сторонников Тимолеона все равны; во враждебном стане господствует «безмолвное рабов подобострастье».

В «Аргивянах» раскрыта неразрывная связь между декабристским свободолобием и патриотизмом. Истинные патриоты ненавидят тирана, потому что тиран — враг своего отечества. Тиран не может найти поддержки в своем народе:

Он может на наемников одних
Против отчизны опереться ныне.

(л. 31 об.).

Воспользовавшись фавулой, взятой из Плутарха, Кюхельбекер резко поставил вопрос об антинародном и антинациональном характере тиранической власти. В изображении тирана, окруженного иноземными наемниками, безусловно содержался намек на Александра I и его окружение. Известно, что декабристы возмущались теми преимуществами, которые царь предоставлял иностранцам в правительстве и в русской армии.

Как освободить страну от тирании, как добиться торжества свободы, уничтожить рабство,— в этих вопросах заключена основная тема трагедии. В первой редакции «Аргивян» (1822) изображены две силы, борющиеся против тирании: народ и заговорщики во главе с Тимолеоном, которые действуют в интересах родины, в интересах народа. Заговорщики относятся к народному движению с большой осторожностью, они стремятся ограничить его размах, не допустить «кровопролития». По IV действию неопубликованной редакции «Аргивян» можно судить об отношении Кюхельбекера к народному восстанию:

Опасен светлый сан царев,
Нетвердый щит для багряницы,
Рабов и варваров десницы;
Народный кровожадный гнев...

(л. 41 об.).

Огни и шум; покрыла бледность лица,
Повсюду бешеный мятеж ярится...

(л. 41).

В обрисовке народного восстания сказывается характерная для дворянских революционеров боязнь народного движения («кровожадный гнев», «бешеный мятеж»). Заговорщики в «Аргивянах», видя, что народ, независимо от их воли, восстает против тирана, стремятся ограничить размах восстания и вместе с тем использовать страх перед народным движением как средство для бескровного свержения тирана:

Тимолеон

Готов мятеж народных, шумных сил;
Весь город только знака ждет и вспыхнет:
И днесь пока в гражданах гнев не стихнет
И не погрязнут в гибельный покой
Днесь, днесь еще мы поведем их в бой!

.....
Когда же вдруг взволнуется народ,
Нахлынет, безоружит стражей сонных
И с воплем бунта к замку потечет,
Да призову пенатов благосклонных
И с словом мира к падшему гряду!
Сложить порфиру брата убежду:
Без битвы сын несчастный Тимодема
От скорбной власти должен отречься,
С него спадет без битвы диадема

.....
Не потеряв ниже одной главы,
Без крови пробудите вольность вы.

(лл. 31 об.—32).

План заговорщиков не был осуществлен. Предатель Сатирос предупредил Тимофана о готовящемся выступлении, и Тимофан с помощью наемников жестоко подавил народное восстание.

Заговорщики избирают «последний грозный путь к свободе» — убийство тирана. Неопубликованная редакция трагедии заканчивается убийством Тимофана. Исчерпав все средства убеждения, Протоген обращается к тирану:

И если на тебя замыслим гибель,
Верь, не спасут тебя твои толпы:
Повсюду и средь копий корийских
Найдет тебя свободный наш кинжал!

(л. 54).

Существенное отличие второй, неоконченной, редакции от первой состоит прежде всего в том, что Кюхельбекер изменил план действий заговорщиков. Кроме двух сил, выступающих в первой редакции (в 1824—1825 гг.) — народа и тайной организации, здесь много внимания уделено войску:

Тимолео н

Друзья! Начнем свой подвиг: обозрим
Все то, что предпринять нам подобает!
Старшин исследуй и вельмож притан:
Мне, воину, вы предоставьте стан!

(Кюхельбекер, т. II, стр. 45).

Во второй редакции появляются новые действующие лица — воины Тимолеона, Аристон, Ксантипп, а также другие воины (без обозначения имен).

Характерно, что Тимолеон и Ксантипп свои агитационные речи обращают не ко всему народу, а только к войску. Подобные обращения отсутствуют в первой редакции. В окончательной редакции «Аргивян» отразилась декабристская тактика военной революции. Вопросы, связанные с тактикой военной революции, конкретно и с особой остротой стали перед декабристскими организациями позднее — в 1824—1825 гг., в период подготовки восстания. К этому периоду и относится работа Кюхельбекера над второй редакцией «Аргивян». Кюхельбекер ввел во вторую редакцию трагедии сцену, посвященную восстанию военных соединений против тирана. Введение этой сцены, повидимому, было вызвано ориентацией декабристов на военную революцию:

Стефанос

Вторая и шестая сотни, царь,
Истмийских воинов толпятся в стогнах;
В бесславных песнях нас, тебя поносят,
Всех граждан воззывают на мятеж!

Тимофан

.....
Что прочие коринфские дружины?

Стефанос

Спокойны; но не восхотели с нами
Товарищей строптивых укротить!

Тимофан

Я усмирю их буйную надменность!

(Кюхельбекер, т. II, стр. 31).

Из дополнений ко второй редакции трагедии следует также отметить эпизод с самоубийством Аристона. В тот момент, когда тирану удалось

склонить на свою сторону войско, сторонник Тимолеона Аристон кончает с собой. Самоубийство Аристона Кюхельбекер рассматривает как своеобразную форму протеста.

Такая трактовка самоубийства восходит к «Путешествию из Петербурга в Москву» Радищева (образ республиканца Катона младшего. Гл. Крестьяны) и к радищевской традиции в русской передовой литературе начала века. С «Путешествием» Радищева Кюхельбекер, несомненно, был хорошо знаком.

Интересна и сцена похорон Аристона:

К с а н т и п п
(с могильного холма)

. . . . . он пал за нашу вольность,
Он за любезную Отчизну пал!—
Пред урною его с главы стригаю
Власы свои, клянусь . . . . .
. . . . .
Родимый край исторгнуть из неволи
Иль умереть, как умер Аристон!

(Кюхельбекер, т. II, стр. 51).

У могилы Аристона воины вслед за Тимолеоном повторяют клятву об освобождении родины. Сцена эта, написанная за несколько месяцев до декабристской манифестации на похоронах Чернова, еще раз свидетельствует о том, в какой степени вопросы, поднятые в «Аргивянах», были продиктованы революционной тактикой декабризма, подчеркивает агитационную направленность трагедии, демонстрирующей образцы революционной тактики.

В трагедии Кюхельбекера затронут еще один вопрос, усиленно обсуждавшийся в тайных обществах: вопрос о том, как поступить с царем и царствующей фамилией после революционного переворота. Деятели правого крыла Северного общества полагали, что если царь отклонит конституцию, принятую Великим собором, то его следует захватить и отправить за границу вместе со всей царствующей фамилией; Рылеев же и деятели левого республиканского крыла Северного общества требовали убийства царя и истребления царствующей фамилии²⁶. В дальнейшем эти вопросы были предметом особого внимания Следственной комиссии по делу декабристов. В неопубликованной редакции 1822 г. отражены споры по этому вопросу, происходившие в ранних декабристских организациях, отражена и собственная позиция Кюхельбекера:

П р о т о г е н

В свободном городе не может боле
Дышать и жить сидевший на престоле...

О д и н из заговорщиков

Ему мы жизнь дарим; но мы согласны
С твоею мудрой волей, Протоген;
Пусть устрашится наших вольных стен...

Т и м о л е о н

Преступный, но душе любимый брат;
Тебе в отчизну затворен возврат!
Прости! Иди в чужбину, друг несчастный!
И я тебя, я должен удалить!

(л. 33 об.).

Во второй редакции трагедии также отстаивается эта точка зрения, а убийство царя рассматривается как последнее, крайнее средство.

Вопрос об убийстве тирана интересует Кюхельбекера и в плане революционной морали. Необходимое для торжества свободы убийство тирана в заключительном хоре V акта трагедии получало, например, такое истолкование:

І. К о р и ф е й

...Рока строгого споспешник
Сам себя казнил тиран!

ІІ. К о р и ф е й

Сам расстался с небосклоном,
Сам покинул пляску Ор;
Не сражен Тимолеоном,
Он нарушенным законом
Сам решил свой приговор!

(л. 58 об.).

Моральную ответственность за убийство тирана автор возлагает на самого тирана, нарушившего закон.

В ту пору, когда Кюхельбекер писал «Аргивян», проблема «ответственности за кровопролитие» имела животрепещущее значение в борьбе декабристов с идеологами реакции. Пытаясь дискредитировать революционную борьбу, реакционная публицистика ставила знак равенства между свободой и анархией, изображала всякое народное движение, всякое революционное действие, как бунт, как слепую игру страстей, как нарушение общепринятых норм морали.

В IV акте неопубликованной редакции трагедии есть следующий диалог между Тимофаном, вернувшимся во дворец после того, как он подавил народное восстание, и его женой Аглаей:

Т и м о ф а н

О что рекла ты! Пусть сих умерщвленных
Не от меня потребует Кропид;
Пусть спросит он их жизнь от дерзновенных;
Пусть вечным их проклятьем поразит:
Они народ покорный возмутили!

А г л а я

Не их главы та клятва отягчит!
Они поборники за вольность были!

(л. 46—46 об.).

Таким образом, моральную ответственность за «кровопролитие» нес, по мнению Кюхельбекера, не тот, кто поднимался на борьбу, не «поборники вольности», а тиран; тем самым поэт-декабрист отстаивал моральное право на революционное действие. Кюхельбекер продолжил в «Аргивянах» радищевскую традицию оправдания революционного насилия.

«Аргивяне» привлекли внимание Пушкина. Во второй половине 1822 г. Дельвиг писал Кюхельбекеру: «Ты страшно виноват перед Пушкиным. Он поминутно о тебе заботится <...> желает знать что-нибудь о Тимолеоне»²⁷. Позднее Пушкин взял несколько строк из «Аргивян» в качестве эпиграфа к III главе «Арапа Петра Великого»²⁸. В набросках предисловия к «Борису Годунову» Пушкин писал о пятистопном ямбе:

«У нас первый пример оному находим мы, кажется, в Аргивянах»²⁹. Упомянул об «Аргивянах» в предисловии к «Борису Годунову» Пушкин не только в связи с размером, которым были написаны обе трагедии. Интерес Пушкина к трагедии Кюхельбекера объяснялся очевидно тем, что в «Аргивянах» ставились вопросы, близкие Пушкину. В трагедии Кюхельбекера большое внимание уделено народу; и заговорщики, и Тимофан вынуждены считаться с народным движением, с настроениями и мнениями народа. Роль народа в «Аргивянах» подчеркивается также и тем, что Кюхельбекер, подражая античной трагедии, ввел в свое произведение хоры. В хорах зачастую звучит голос народа, дается оценка событий устами народа. В этом отношении особенно показательно начало заключительного хора из V действия неопубликованной редакции «Аргивян»:

Се ныне предстою пред вами
 Не в лике робкого раба:
 Моими вещими устами
 Глаголет дивная судьба!

Кто ступит шаг
 Путем неправым,
 Тот отдан гениям лукавым,
 Тот стал богов всевидцев враг!

(л. 58).

Народ, освобожденный от тирании, произносит в заключительном хоре «Аргивян» слова, близкие по смыслу к той оценке роли народа, какую дает в «Борисе Годунове» Пушкин.

В статье, посвященной «Борису Годунову», Белинский писал: «...народ никогда не обманывается в своей симпатии и антипатии к живой власти: его любовь или его нелюбовь — высший суд!»³⁰

С пушкинской трагедией перекликается и рассуждение Тимофана о власти (V акт неопубликованной редакции):

Т и м о ф а н

Итак, свершились все мои желанья
 . . . . .
 Я счастлив!.. или дерзкий кто посмеет
 Всемошного несчастливым назвать?
 Я счастлив!.. Пусть же смолкнет глас ничтожный,
 Который тайно шепчет о бедах.
 И все страхами меня тревожит!
 Почто ж открытый червь мне сердце гложет?
 (Он задумывается)
 Но чудится здесь воздух гробовой!
 . . . . .
 Противоречий полон человек!
 Достигнул я, к чему так жадно тек
 . . . . .
 Се по трудах жестоких, наконец,
 Я вздел давно желаемый венец:
 Но вдруг на вышине меня обстали
 Нежданные и черные печали!

(лл. 52—53).

Затронутая в «Аргивянах» тема: народ и монархическая власть, нашла глубокое реалистическое воплощение в гениальной пушкинской траге-

дии. Самый же романтический стиль «Аргиян», гражданский пафос, обращение к античности как способ говорить о современности — ближе к вольнолюбивой лирике Пушкина, чем к «Борису Годунову». Так, например, в приведенной выше речи Протогена, содержащей угрозу тирану, имеются строки, перекликающиеся с пушкинским «Кинжалом»:

Повсюду и средь копий корийских
Найдет тебя свободный наш кинжал.

Линия вольнолюбивой лирики была продолжена Пушкиным и в годы создания «Бориса Годунова». Тема народного восстания прозвучала в 1825 г. в стихотворении Пушкина «Андрей Шенье», в котором исторический план был использован поэтом для намеков на современность.

Трагедия Кюхельбекера «Аргияне», несмотря на незаконченность второй редакции и художественное несовершенство первой — яркий памятник декабристской драматургии. Проблемы, поставленные Кюхельбекером в «Аргиянах», тесно связаны с основными путями развития русской литературы, с творческими замыслами Грибоедова и Пушкина.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ К ю х е л ь б е к е р, т. II, стр. 5—62.

² ГПБ. Архив В. А. Жуковского, оп. 2, № 285.

³ Междудействие из III акта трагедии «Аргияне» напечатано впервые в «Сыне отечества», 1838, июль, стр. 7—15 (см. публикацию Б. В. Томашевского «Забывший отрывок из Аргиян В. Кюхельбекера». — «Декабристы и их время», 1951, стр. 89—96).

⁴ «Аргиянам» посвящена статья Ю. Н. Тынянова: «„Аргияне“, неизданная трагедия Кюхельбекера» (1924—1927 гг.). В этой ранней работе Ю. Н. Тынянова, включенной в сб. «Архаисты и новаторы» (Л., 1929), сообщаются ценные фактические данные.

Краткий анализ идейного содержания трагедии, на основе окончательной (неполной) редакции «Аргиян», см. в работе: В. Г. Б а з а н о в. Поэты-декабристы. К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский. М. — Л., 1950, стр. 124—129.

⁵ ИРЛИ. Р. I, оп. 12, № 195.

⁶ Речь идет, повидимому, о В. А. Эртеле, известном педагоге, литераторе 1820—40-х гг., издателе «Русского альманаха» на 1832 и 1833 гг. и ряда других изданий.

⁷ О знакомстве Кюхельбекера с С. П. Трубецким — см. стр. 354 настоящего тома.

⁸ А н н а И в а н о в н а — Б р е й т к о п ф, жена друга отца Кюхельбекера, начальница Екатерининского института.

⁹ Н а т а л и я Ф е д о р о в н а и Э м и л и я Ф е д о р о в н а — Б р е й т к о п ф (см. о них стр. 408, 409 настоящего тома).

¹⁰ Сергей Дмитриевич К о м о в с к и й (1798—1880) — лицейский товарищ Кюхельбекера.

¹¹ «Сын отечества», 1823, № 10, стр. 128—129.

¹² Недавно найденные документы говорят о том, что Кюхельбекер стремился поставить на сцене и пьесу «Шекспировы духи». Вот два документа, составляющие дело «О неприятии к театру пьесы „Шекспировы духи“»:

(1)

2 ноября 1825 г.

В контору Дирекции императорских театров

актера Василия Каратыгина

Полученную мною от г. Кюхельбекера сочиненную им пьесу Шекспировы духи, по просьбе автора, при сем честь имею представить в контору Дирекции императорских театров, и по желанию автора покорнейше прошу означенную пьесу принять на существующем постановлении.

Актер В. Каратыгин

(2)

Выписка из журнала Комитета главной дирекции театров. Слушана записка г. директора театров (от 18 ноября за № 1538, внесенная в журнал Комитета под № 10) с препровождением комедии Шекспировы духи и с мнением, что хотя комедия сия и имеет несколько довольно хороших мест, за всем тем по слабости своего сюжета не может быть представлена на сцене.

Решение Комитета:

Комитет, находя пьесу сию слабую, признает ее, согласно с мнением г. директора театров, нестоящею быть представленной на сцене императорских театров.

Правитель канцелярии Н. А. Трешков

№ 7

5 января 1826 г.

Г. директору театров

(ЦГИАЛ, ф. № 497, оп. 97/2421, д. 2929, лл. 1—2.—Сообщено А. Я. Альтшуллером).

Письмо Кюхельбекера к Ю. К. Кюхельбекер, связанное с попыткой поставить на сцене «Аргивян», и публикуемые здесь документы свидетельствуют о том, что Кюхельбекер писал свои пьесы для театра. Текст первого документа дает возможность, кроме того, — установить с несомненностью факт личного знакомства Кюхельбекера с Каратыгиным.

Как видно из второго документа, пьеса не была принята дирекцией театров и 5 января 1826 г. отклонена «по слабости своего сюжета». Фамилия автора пьесы в этом документе даже не упоминается; «Решение Комитета» состоялось после событий 14 декабря.

¹³ «Русская старина», 1875, № 7, стр. 370—371.

¹⁴ Там же, стр. 378.

¹⁵ «Декабристы и их время», 1951, стр. 89.

¹⁶ «Русский архив», 1871, № 2, стб. 0175—0176.

¹⁷ См. статью Н. Ф. Дубровина «Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам». — «Русская старина», 1902, № 4, стр. 106—107.

¹⁸ ИРЛИ. Архив А. А. Иванковского.

¹⁹ «Русская старина», 1904, № 2, стр. 381.

²⁰ Там же.

²¹ Кюхельбекер, т. II, стр. 9—10.—В дальнейшем все ссылки на это издание даются сокращенно — только на страницы — в скобках после цитируемого текста.

²² Грибоедов. Сочинения. Гослитиздат, 1940, стр. 343.

²³ Там же, стр. 341.

²⁴ Нечкина. Грибоедов, стр. 229.

²⁵ Цитируется по неопубликованной рукописи «Аргивян». — ГПБ. Архив В. А. Жуковского, оп. 2, № 285, л. 46 об.—В дальнейшем все ссылки на эту рукопись даются только на номера листов — в скобках после цитируемого текста.

²⁶ ВД, т. I, стр. 167.

²⁷ Сочинения А. А. Дельвига. СПб., 1893, стр. 150.

²⁸ Четыре строки, из которых Пушкин взял эпиграф, были напечатаны Кюхельбекером («Мнемозина», 1824, ч. I, стр. 93—94) в качестве примечания к отрывкам из путешествия (письмо XXIV). В статье Ю. Н. Тынянова дана ошибочная ссылка на источник (вместо первой указана третья часть альманаха). Следует отметить, что Пушкин сократил цитату; соединив третью и четвертую строки в одну, он придал афоризму Кюхельбекера большую выразительность.

Строки:

Мы любим и чрез час мы ненавидим;
Что славим днесь, завтра проклинаем!

Пушкин переделал так:

Что любим днесь, то завтра ненавидим.

²⁹ Пушкин, т. XI, стр. 141.

³⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., т. XII. М.—Л., 1926, стр. 156.